

Глава 24. Девятихвостый лис

Фан Синьтянь неспешно миновал каменные ворота и вошел в задние покои. Они разительно отличались от внешнего зала. Здесь, в тусклом свете, сиротливо лепились к скалистым стенам пучки редкой блеклой травы. Из убранства имелись лишь нефритовое ложе да несколько каменных скамей. Прямо посреди зала темнел глубокий бассейн, от которого в полумраке исходило слабое, фосфоресцирующее свечение.

Сюаньшэн уже сидел на одной из скамей. Заметив гостя, он приглашающим жестом указал на место напротив. Когда Фан Синьтянь устроился, хозяин налил в кубок вина и придвинул к нему.

Фан Синьтянь чиниться не стал. Осушив кубок одним махом, он с легким стуком опустил его на каменный стол.

— Полагаю, Король демонов согласен на мое предложение?

Сюаньшэн прищурился, в его узких глазах промелькнул сомневающийся, мерцающий огонек. Он происходил из древнего рода Сюаньман — Черных питонов. Некогда, десятки тысяч лет назад, они безраздельно правили миром демонов. Их царствование казалось вечным, пока внезапно не явился Хуа Цин. Обладая непостижимым могуществом, он низверг Черных питонов с небесного престола и забрал власть себе. С тех пор род великих змеев почти угас, затерявшись в неизвестности, и лишь в последнее столетие их редкие потомки вновь начали заявлять о себе.

Как наследник великой династии, Сюаньшэн ни на миг не оставлял надежды вернуть былое величие. Отец с малых лет внушал ему: наступит день, и трон Императора демонов вернется к законным владельцам. Слова Фан Синьтяня растревожили душу змея, однако его лицо осталось бесстрастной маской. Пригубив хмельную влагу, он неторопливо произнес:

— Пустые речи ничего не стоят. Положим, у меня есть подобные намерения. Но чем же вы, брат Фан, можете мне помочь?

Поняв, что наживка заглочена, Фан Синьтянь тонко улыбнулся. Он приоткрыл рот, и на его ладонь плавно опустилась круглая сфера. Жемчужина была чиста, точно горный хрусталь, лишь в самой ее глубине лениво переливались золотые искры, заливая полумрак покоев мягким сиянием.

Сюаньшэн невольно подался вперед.

— Неужели это... Драконья жемчужина?

Фан Синьтянь тихо рассмеялся. Подбросив сферу, он заставил ее застыть в воздухе. Медленно

вращаясь, она отбрасывала на стены причудливые блики.

— Королю демонов, должно быть, известно, что истинных драконов в поднебесном мире давно не осталось. Даже нынешний Император — всего лишь Свечной дракон, Чжулун. В моих же руках покоится подлинное сокровище вымершей расы. Драконья жемчужина озаряет мир и способна явить скрытую суть любых вещей.

С этими словами он указал пальцем на парящую сферу. Вращение прекратилось. Прозрачные грани натянулись, превращаясь в чистейшее зеркало, в глубине которого проступили очертания далеких земель. Сюаньшэн присмотрелся и явственно разглядел исполинский горный хребет. Окутанный искажениями времени и пространства, он то таял в зыбком мареве, то возникал вновь. На самой вершине величаво возвышался мрачный черный замок — резиденция Императора демонов, гора Хуцю.

Гора Хуцю

Хуа Цин лениво полулежал на раскидистой ветви старого дерева. Стоило ему наклониться, и взгляд его падал на дремавший внизу пушистый комок. Горящий неподалеку костер окутывал зверька багровыми отсветами, отчего силуэт маленького лиса казался почти призрачным, словно сотканным из самого пламени. Хуа Цин когда-то уже видел похожую картину. Вот только тогда всё было далеко не так мирно.

Дракон прикрыл глаза. Он попытался воскресить в памяти подробности того далекого прошлого, но беспощадное время стерло детали, оставив лишь смутные очертания некогда дорогого лица. Лишь глухая тяжесть, точно каменная плита, навалилась на грудь, мешая вздохнуть при одной мысли о былых днях.

Свернувшись у костра, Ху Цзюмин больше часа притворялся спящим, но его бдительные спутники и не думали отдыхать. Один безостановочно ворошил прутиком угли, а второй, затаившись в листве прямо над головой, время от времени бросал на него испытывающие взгляды. Наконец, потеряв терпение, лис приоткрыл глаза и посмотрел на ночное небо. Полная луна уже катилась к зениту — до полуночи оставались считанные мгновения. Ху Цзюмин прекрасно понимал, чем это грозит: в час полнолуния дикая звериная кровь могла взять верх, и он совсем не хотел в приступе безумия растерзать даоса.

Убедившись, что Цзи Цин увлеченно ковыряется в костре и не смотрит в его сторону, Ху Цзюмин осторожно поднялся. Стараясь не издать ни звука, он на полусогнутых лапах двинулся к кромке леса. Но стоило ему сделать лишь несколько шагов, как тишину нарушил спокойный, слишком хорошо знакомый голос даоса:

— И куда это мы собрались?

Лис тоскливо вздохнул и обернулся. Даос уже отбросил ветку и пристально смотрел на беглеца. Ху Цзюмин вильнул пушистым хвостом и преданно заглянул человеку в глаза, после чего демонстративно похлопал себя белой лапкой по животу, беззвучно объясняя, что ему жизненно необходимо отлучиться «по делам». Цзи Цин знал этого плута слишком хорошо, чтобы поверить с ходу. Каждый раз, когда пушистый прохвост пытался схитрить или подлизаться, его хвост начинал непроизвольно подергиваться. Вот и сейчас кончик хвоста выдавал его с головой.

Выражение лица даоса осталось бесстрастным.

— Возвращайся побыстрее, — коротко бросил он.

Радостный лис не заставил себя упрашивать. Круто развернувшись, он пулей метнулся в лесную чащу, промелькнув под серебряными лучами луны быстрой светлой молнией.

Проводив лисенка взглядом, Цзи Цин поднялся и устремил взор туда, где растаял его след. Тот, кто скрывался в кроне дерева, бесшумно соскользнул вниз, мягко приземлившись на траву. Хуа Цин неторопливо подошел к даосу и задумчиво потер пальцем подбородок.

— Тоже почуял? — негромко спросил он.

Даос молча кивнул и тенью скользнул следом за лисом. Хуа Цин, ухмыльнувшись, последовал за ним, легко перепрыгивая с ветки на ветку.

«Сбежавший из дома маленький лисеныш — идеальная добыча. Самое время прибрать его к рукам»

Убежав на приличное расстояние, Ху Цзюмин решил не терять драгоценного времени и принял человеческий облик. Звериная ипостась, конечно, была удобной, но собственное тело привлекало его куда больше — в конце концов, без него в некоторых деликатных делах никак не обойтись. Плутая среди деревьев, он наткнулся на уединенный холм, возвышавшийся посреди небольшой просеки. Лис стремительно взлетел на его вершину и замер, подставив лицо холодному сиянию ночного светила.

Время близилось к полночи. Ледяной лунный свет, касаясь точеной фигуры прекрасного юноши, словно плавился, превращаясь в призрачные серебристые нити. Эти струйки, похожие на тонкий пар, лениво обвивали его тело. Ху Цзюмин закрыл глаза и сосредоточился, пробуждая дремлющую внутри духовную силу. Лунное сияние, казавшееся со стороны холодным как лед, обжигало кожу с каждым новым прикосновением. Он невольно проклял собственную глупость — и зачем только решил проходить через это испытание в одиночку?

Затаив дыхание, лис постарался притупить чувства и абстрагироваться от боли. Он знал: истинное испытание начнется лишь тогда, когда луна достигнет высшей точки. Растратить силы сейчас означало обречь себя на верную гибель.

Прошло совсем немного времени, и ночное светило замерло в зените. Тонкие струйки света внезапно сменились ревущим потоком, обрушившимся на юношу подобно ледяному ливню. На фоне этого неистовства стихии его фигура казалась хрупкой и беззащитной. Вдруг идеальный серебряный диск начал темнеть с края, словно пожираемый невидимым чудовищем, пока небосвод не озарил зловещий, багровый лик Кровавой луны. В то же мгновение аура Ху Цзюмина резко изменилась, и его забила крупная дрожь.

Цзи Цин, стремительно летевший над верхушками деревьев, сразу заметил перемену в небесах. Он прибавил ходу, устремясь к холму. Следовавший за ним Хуа Цин при виде кровавого диска помрачнел. В памяти всплыли картины прошлого: его возлюбленный когда-то был лишь самым обычным лисом-оборотнем, и чтобы помочь ему выдержать крещение небес, дракону пришлось перевернуть вверх дном все Небесные чертоги и обокрасть Зал Пилюль Тайшан Лаоцзюня. Только так смертный зверь смог обрести истинное тело демона. А этот малец, Ху Цзюмин, едва перешагнул вековой порог духовного делания. И к тому же он — редчайший Девятихвостый лис. Не слишком ли рано он решился на этот шаг?

Адская боль разрывала плоть на части. Ху Цзюмин смертельно побледнел, из уголка его губ сбежала тонкая струйка темной крови. Он чувствовал, как в груди медленно вращается демоническое ядро, жадно впитывая пронизывающие лунные потоки энергии Инь. Но с каждой поглощенной каплей силы лицо его становилось всё более бескровным. Извечно среди лисьего племени преобладали женщины, ведь для формирования истинного тела демона требовалось колоссальное количество мягкой женской энергии Инь. Ху Цзюмин же, будучи мужчиной, страдал от непреодолимого конфликта двух начал — мужского Ян и притекающего Инь. Столкновение противоположностей превращало перерождение в сущую пытку.

В момент, когда силы лиса были на исходе, багровая луна вспыхнула с новой силой. Алые лучи, словно почуяв уязвимость жертвы, яростно устремились вниз, оплетая юношу плотным коконом. Издалека этот багровый поток походил на колоссальный кровавый столп, соединивший небеса и землю. Столь мощное проявление первородных сил не могло остаться незамеченным. В радиусе сотен ли из своих нор выползли все лесные твари и низшие бесы. Ветер разнес манящий, дурманящий аромат — запах чистейшей, благородной крови древнего рода. Плененные этим редчайшим благоуханием, полчища чудовищ устремились к холму.

Тем временем Цзи Цин уже достиг подножия холма. Задрав голову, он вглядывался в багровое зарево. Силуэт юноши почти растаял в густом алом тумане, но даос отчетливо слышал доносившиеся оттуда тихие, полные нечеловеческой муки стоны. Цзи Цин и раньше видел духовное перерождение бесов, но подобное безумие стихий созерцал впервые. Если бы не строгий запрет Императора демонов, предупредившего, что любое вмешательство извне убьет лиса, даос давно бы бросился на помощь.

«В тревоге за близких разум слепнет» — гласит старая мудрость. Видя, как шатается и слабеет фигура на вершине, даос почувствовал, как спазм сжал горло. Он перестал замечать происходящее вокруг, не чуя приближения сотен голодных тварей, стягивающихся к холму. К счастью, Хуа Цин сохранял хладнокровие. Он прекрасно понимал, какой лакомый кусок представляет собой Девятихвостый лис. Независимо от исхода испытания, тело зверя будет истощено до предела, и для любой лесной нечисти это лучший шанс сожрать его и заполучить вековую силу.

Мысленно усмехнувшись наглости мелкой швали, Хуа Цин взмыл в ночное небо и прямо в полете принял истинный облик великого дракона. Стоило исполинской чешуйчатой тени заслонить небеса, как наступающую орду демонов парализовал дикий, первобытный ужас. Твари бросились врассыпную, давя друг друга; самые трусливые испустили дух на месте от одной лишь ауры древнего хищника. Спустя мгновение на поляне не осталось ни единой живой души — лишь груды бездыханных тел тех, у кого от страха разорвалось сердце. Дракон удовлетворенно качнул головой и взмахнул мощным хвостом, собираясь опуститься на землю, как вдруг его внимание привлекла странная фигура под деревом. Там стоял совсем еще юный паренек.

На нем была простая лавандовая рубаха, а лоб перехватывала белая повязка. Лицо мальчишки, которому на вид было от силы шестнадцать-семнадцать лет, хранило следы детской припухлости. Заметив, что древнее чудовище уставилось на него, юноша вздрогнул от страха, но взгляда не отвел.

Хуа Цину это показалось забавным. Дракониий хвост лениво скользнул по траве, бережно обвил паренька и поднял его в воздух, приблизив к самой морде. Оказавшись лицом к лицу с кошмарным чешуйчатым исполином, юнец поддался панике. Выхватив из-за пояса короткий кинжал, он со всей силы вонзил его в чешую дракона. Раздался звонкий металлический щелчок. Лезвие разлетелось на мелкие осколки, а из порезанной ладони нападавшего брызнула алая кровь.

Такая дерзость удивила хозяина болот. Вместо того чтобы прикончить глупца на месте, Хуа Цин лишь хмыкнул, принял человеческий облик и, мягко опустив пленника на землю, небрежно бросил:

— Даже не думай бежать. Отойду — займусь твоим воспитанием.

У юноши подкосились ноги, и он тяжело осел у ствола дерева. Разум отказывался верить в происходящее, но ноющая боль в порезанной ладони возвращала к суровой реальности. Он никак не мог взять в толк: почему чудовище пощадило его? Неужели демоны не столь кровожадны, как без умолку твердил наставник?

Тем временем небесное безумие подошло к концу. Кровавый лик луны вновь сменился холодным серебром, но положение Ху Цзюмина оставалось отчаянным. Он не сумел обуздать и половины прихлынувшей энергии Инь. В его груди бушевало багровое демоническое ядро — скопившаяся там разнородная сила столкнулась в яростном противоборстве, грозя разорвать меридианы. Не выдержав внутреннего хаоса, юноша захлебнулся кровью. Человеческая личина растаяла, и на землю тяжело рухнул огромный белый зверь с девятью пушистыми хвостами.

В призрачном лунном свете его хвосты метались из стороны в сторону, то уплотняясь, то становясь эфемерными, точно дым. Цзи Цин сразу понял: перерождение сорвалось. Даос стремительно взлетел на вершину холма и замер перед обезумевшим зверем. Глаза лиса налились багрянцем, в них не осталось и следа разума — лишь первобытная, жаждущая крови ярость.

Лишившись рассудка, Ху Цзюмин видел перед собой лишь врага. Взревев, он кинулся на даоса, целясь когтями в грудь. Сила его броска была столь велика, что Цзи Цин не решился принять удар и попытался отскочить назад. Но стоило ему оторваться от земли, как в горящих глазах лиса промелькнуло хищное торжество. Белоснежный хвост метнулся следом, намертво обвил тело человека и с силой впечатал его в каменистую землю холма.

<http://bllate.org/book/20393/2181421>